

ЧТО О НАС ДУМАЮТ В ПАРИЖЕ

(Письмо русского)

Перед твоим державным блеском
Народы робко клонят взор.³⁴

А. Хомяков.

Сожаления обыкновенно приходят слишком поздно: в Париже я пожалел, что не читал прекрасной статьи покойного Хомякова «Мнение иностранцев о русских»³⁵, но поправить дело не было уже никакой возможности, — в Париже, я думаю, легче отыскать подлинник философских правил Конфуция, писанный рукою самого китайского философа, нежели найти «Москвитянин», в котором блистал покойный философ и поэт российский. А между тем меня одолела страшная охота узнать мнение иностранцев о наших соотечественниках. Делать нечего, пришлось самому заняться собранием необходимых сведений. Не знаю, сходятся ли они с тем, что говорил г. Хомяков, но полагаю, что большого разноречия между нами быть не может, ибо все, что узнал я, совершенно подходит под эпитаф, выставленный мною в начале письма.

Прежде чем я примусь излагать результаты моих наблюдений, я должен, впрочем, сделать небольшое объяснение относительно того, кого я разумею под *нами*. Сим местоимением я обозначаю, читатель, тех, к кому не постыдимся принадлежать мы с вами, кого мы смело можем назвать *нашими*. Теперь рассудите сами, кто же должен быть главным предметом моих разысканий. Без всякого сомнения, это должны быть те люди, которых сам

Николай Филиппыч Павлов не постыдился бы назвать своими «ближними и братьями», люди хорошего общества и возвышенных стремлений, люди, украшенные всеми дарами европейской цивилизации и наклонные к тому, чтобы самим внести что-нибудь в сокровищницу человеческой мысли. Словом, говоря без обиняков, под нами я разумею избранников России, светила, озаряющие ее светом своих возвышенных идей и согревающие пламенем благородных чувств. Сюда входят ученые (исключая г. Лайбова)³⁶, литераторы (только не те, которые участвуют в «Свистке»), великие деятели общественной жизни, как напр., г. Кокорев, Зоркий^{*37} и другие, столь же самоотверженно изучившие зло и мошенничество, чтобы поведать о нем миру, *et caet, et caet*.

С самого выезда моего за границу я на каждом шагу убеждался в справедливости того, что перед державным нашим блеском народы робко клонят взор, иначе сказать, что на нас никто не смотрит прямо, а всегда исподлобья. В Берлине многие из наших соотечественников уже жаловались на грубость прусского народа, который узнали они по кельнерам своих отелей. Кельнеры эти смотрели на нас большею частью косо, и обращение их с нами было исполнено всяческих резервов и натянутого достоинства. Мне случилось слышать объяснение этого явления в разговоре кельнера с портье. Портье жаловался, что какой-то русский барин оказался скрягою и совершенно забыл при отъезде исполнить свою обязанность относительно старика, который хлопотал для него много: и письма его отправлял, и ночью для него беспокоился (так как помянутый русский любил

* Читатель припомнит, что г. Зоркин предался всем проделкам шулерства с благородною целью научить Россию плутням карточной игры. — *Примечание редактора «Свистка».*

ночные прогулки), и беспрестанно возился с звонком его, не перестававшим заливаться целое утро то за тем, то за другим... «Я ему никогда виду не подал, что он мне так надоел, — говорил старик; — всегда ему в глаза глядел, думал, что он должен чувствовать, а он вот как!» — «Да, как же, чувствуют они, — возразил кельнер, как видно, более опытный и считавший себя вправе давать наставления, — русский, это известно, что за человек: смотри ему в глаза, он на тебя плюнет и всякую твою услугу за ничто считает, а сделай ему такую рожу, что обругать его хочешь сейчас же, да внимания—то на него не обращай большого — сейчас же укротится и просить станет вежливо и trinkeld** даст хорошее».

Впоследствии я заметил, что такое мнение особенно распространено только в городах, ближайших к нашей границе, но чем далее, тем более русские теряют, как видно, их национальный характер или перестают его обнаруживать. Я объясняю это тем, что русский человек чрезвычайно смышлен и понятлив: выехав за границу и видя, что на него смотрят искоса и что чем он себя грознее держит, тем менее встречает угодливости, он с невероятною быстротою изменяет свои принципы, да так, что, например, в Дрездене нравы русских уже совсем другие, нежели в Берлине.

Не проезжал я польских и австрийских земель, сопредельных с нашими. В прежнее время там, говорят, было обыкновение определять цену комнат

363

и всякого продовольствия русских путешественников сообразно с возвышенностью их характера. Разумеется,

** чаевые (нем.). — Ред.

на каждого русского набавляли уже за то одно, что он русский; следовательно, человек, по преимуществу назначенный, по выражению поэта, «хранить для европейского мира достоянье высоких жертв»³⁸. Но и между русскими находили различие в степени, до которой могут простираться их *жертвы*: кто кричал громче, звонил чаще, бросал на стол карту обода с большим презрением, тыкал кельнеру свое платье и сапоги с большей энергией, тому путешествие и обходилось дороже, в соразмерности. Естественно, что русские путешественники, выезжавшие в Европу через австрийскую границу, приходили тоже к грустной необходимости изменить свои обычаи, но несколько позже и притом другим путем: они были «биты рублем», по нашей родной пословице... Само собою разумеется, что так как русский народ молодой, а Россия — полнощный исполин, то между русскими путешественниками находилось весьма много таких, которые совершенно не понимают, что такое боль от рубля, и потому во все время путешествия оставались совершенно не чувствительными к рублевым ударам европейских пигмеев. Этим и объясняется, что некоторые успевали доехать до Италии (а иные, говорят, даже до Константинополя и Иерусалима), сохранив в совершенстве первобытную чистоту русских нравов и не понимая других ударов, кроме тех, которые считаются у киевских педагогов³⁹ необходимыми для вперения чувства законности в детские сердца. Вспомните письмо из Италии г. Пауловича...⁴⁰

Но я не намерен занимать вас, читатель, изложением немецких воззрений на русских путешественников. Что нам немцы! Чья репутация может выиграть или пострадать оттого, что о нас станут говорить не только

немецкие кельнеры, но даже гегеймраты* и великие ученые. Известно, что, во-первых, немец нетороплив на суждения: человек может пожить, нажиться, умереть, оставить наследство и быть позабытым не только наследниками, но даже и своими бывшими кредиторами прежде, нежели немец решится высказать о нем свое основательное суждение. Во-вторых, известно, что немцы у нас считаются по преимуществу музыкантами, булочниками и сапожниками, следовательно, в общественной жизни нашей представляют часть служебную. Не то француз: он заправляет нашим обществом, он всегда танцмейстер, кондитер и парикмахер. Немец, обращаясь к нашему слуху, повергает нас в неподвижное умиление своей музыкой, а француз красноречиво заставляет нас прыгать и плясать под его команду; немец нас кормит, а француз услаждает; немец устраивает наши ноги, француз — голову. Понятно поэтому, почему в обществе живом и двигающемся, между людьми, любящими услаждать свою жизнь и заботящимися об обработке головы своей, француз имеет такое неизмеримое преимущество пред немцем. Понятно, почему всякая репутация составляется в Париже, почему, вопреки древнему изречению, быть и вторым в Париже для нас всегда лестнее, нежели быть первым в Петербурге или даже в Москве.

364

Какую же репутацию имеет в Париже полнощный исполин и в особенности те его представители, которые принадлежат к избранникам нашего общества? Какое впечатление производят на французов наши ученые

* тайные советники (нем.). — Ред.

открытия, наши философские воззрения, наши художественные создания? Что думают они о роли русской цивилизации в судьбах Западной Европы, находящейся (как известно всякому, кто читал наших философов) в последнем периоде гниения? Обо всех этих интересных вопросах я надеюсь сообщить вам несколько любопытных сведений, почерпнутых из самых верных источников.

Нужно вам сказать, впрочем, что в Париже я не был так разборчив в выборе общества для себя, как в России; признаюсь даже, что я более толкался между людьми «среднего рода», нежели между первостепенными знаменитостями во всех родах. На это было много причин: во-первых, в Париже великих знаменитостей больше, чем зубных врачей в Петербурге, и для человека непривычного нет ни малейшей возможности запомнить их и отличить от простых смертных. Вы идете в оперу, слушаете посредственных певцов, забываете их фамилии, а потом оказывается, что это все знаменитости: и г. Мишо — знаменитый тенор, и г-жа Дюпрэ — знаменитая примадонна, и г. Барриель — такой баритон, какого в свете нет. То же самое и с актерами: на вас сыплются имена таких господ, как Дюмень, Прадт, Феликс, Брессан и пр., и пр., — все это громкие репутации, все их вы обязаны знать и помнить! Читаете вы газету — новый разряд знаменитостей встречает вас — Поль Сен Виктор, Фиорентино, Магиас, Форкад и пр., и пр. — бесчисленное множество фельетонистов. Со временем, конечно, все они будут славны и у нас, так как и каждый из них, в сущности, не хуже всех этих Бертонов, Бондуа, Молилари, Жюль-Жаненов, Филаретов и Теофилов Готье⁴¹, которые так хорошо известны каждому из нас, порядочных русских. Но покамест все

эти славы долетят до нас, их различать ужасно трудно, и вот почему я старался всячески избегать парижских знаменитостей: пожалуй, попадешь, как нарочно, на такую, которой не суждено прославиться в России, — напрасно только время потеряешь! А всемирные знаменитости, вроде, например, Вильмена или Жозефа Гарнье⁴², не занимали меня потому, что мы их и так знаем хорошо и даже имеем сами нечто подобное им в лице, например, А. Д. Галахова, В. П. Безобразова и т. д. Кроме этих причин я руководился еще тем соображением, что все избранники парижского общества, все знаменитости науки, литературы и искусств не могут быть откровенны и беспристрастны в отзывах о нас: они наши учителя, следовательно, всегда должны сохранять часть наставнической благосклонности, говоря о своих понятливых и послушных учениках. Чтобы найти полное беспристрастие, надо было обратиться к тем, кто менее принимал участия в нашем образовании. Наконец, это не составляло никакого неудобства в Париже: все парижане, как известно в России, народ образованный, очень хорошо говорят по-французски, читают газеты, не воняют ни чесноком, ни салом, не носят дубленых полушубков, а одеваются (кроме блузников, разумеется, о которых и речи нет) очень прилично, как мы с вами и как все французские танцмейстеры и парикмахеры в Петербурге. Поэтому с ними очень приятно было иметь дело и смело можно было положиться на их

суждение. И я полагаю, что из разговоров с разными комми, хозяевами-ремесленниками, содержателями отелей и меблированных квартир, армейскими

офицерами, студентами и всяким народом, с которым встречался в ресторанах, в омнибусах, на публичных балах, в театрах и т. п., я полагаю, что из разговоров с ними я вынес довольно полное и верное заключение о том, что думают о нас в Париже. Но, во всяком случае, предупреждаю вас, что мнения, сообщаемые мною, вовсе не принадлежат какому-нибудь из «величайших современных мыслителей»; из подобных мыслителей я никого не видал, да их, говорят, и не водится теперь в Париже.